
Книга первая

СЛОН, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ДЭН ВИ

Дэн Ви

Слон, которого не было

«Автор»

2026

Ви Д.

Слон, которого не было / Д. Ви — «Автор», 2026

Алекс Грэм потерял за один год всё, что определяло его жизнь: работу, дом, брак. Последнее, что у него оставалось, — контракт с малоизвестным стартапом, обещающим перенос сознания в тело дикого животного. Он выбирает слона — мудрость, память, спокойствие, которых так не хватало его собственной жизни. Короткая, плотная история — 80 страниц, читается за один присест.

© Ви Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дно	5
Пролог. WildMind	8
Глава первая. Запах	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дэн Ви

Слон, которого не было

Пролог. Дно

Офис в одиннадцать вечера пахнул остывшим кофе и чужим потом — не своим, а тем общим, коллективным запахом, который скапливается в помещении, где люди задерживаются дольше, чем должны.

Алекс лежал на диване в переговорной номер три. Диван был короткий, ноги свешивались, но это была не худшая ночь за последний месяц — до этого он две ночи провёл в машине, а машину, если честно, тоже могли забрать в любой момент.

Телефон лежал на груди, экран освещал потолок.

Двадцать три сорок одна. Он не спал.

Он думал — без особой боли уже, скорее с усталым, механическим перебиранием фактов, как перебирают квитанции, — что три месяца назад у него было всё, что полагается иметь в тридцать шесть лет. Квартира на двоих. Жена, с которой прожил семь лет. Должность, за которую он держался пятнадцать лет карьеры. Машина без пробега.

Алекс вспомнил один конкретный день — не потому что выбирал его специально, просто память вынесла его на поверхность сама: третья годовщина свадьбы, конец мая с цветущими сиренями, — они арендовали велосипеды и катались вдоль прогретой набережной весь день, ели мороженое прямо с руки, смеялись без особого повода, вдыхали запахи то йода с океана, то нагретой сосновой смолы — с берега, когда менялся ветер. Погода была идеальной — было бы жарко, если бы не лёгкие облака и бриз с океана. Кейт сказала тогда что-то вроде «давай всегда так» — легко, без пафоса, как говорят вещи, в которые действительно верят в моменте. Он не помнил, что ответил. Помнил только ощущение — что всё будет хорошо, потому что как может быть иначе, когда вот так, вдвоём, вдоль воды, на закате?

Он не знал точно, в какой момент это перестало быть правдой. Наверное, ни в какой конкретный — таяло постепенно, как тает лёд: границы между твёрдым и жидким не видно, а в какой-то момент понимаешь, что руки уже мокрые.

Сейчас у него была переговорная номер три.

Развод оформили в сентябре. Затяжные дожди и слякоть — лучшее время для разводов: если кто-то и захотел бы помириться, то в такую погоду на это просто нет шансов, поэтому всё решили быстро.

Быстрым он не был. Быстрым он казался только со стороны — двум подписям в зале суда предшествовал год, который Алекс до сих пор не мог вспоминать спокойно: адвокаты, разделённые счета, звонки в одиннадцать вечера, начинавшиеся со слова «нам нужно поговорить» и заканчивавшиеся тем, что кто-то из них хлопал дверью.

Кейт была стервой. Он говорил себе это по дороге домой из суда, за рулём, вслух, один в машине, и от этого не становилось легче, потому что часть его — та самая честная, занудная, аналитическая часть, которая на работе умела раскладывать любую проблему на составляющие, — тут же добавляла: а кто бы это вытерпел?

Пятнадцать лет карьеры означали пятнадцать лет, в которые дом был вторым по важности. Потом третьим. Затем — местом, куда он приходил спать. Он пропустил день рождения тёщи три раза подряд. Забыл про их годовщину дважды. Работал по выходным так часто, что «выходные» стало для Кейт словом без содержания, как «скоро» или «в следующий раз».

Он был не подарком. Признавать это было больно — больнее, чем злиться, — поэтому чаще было проще злиться.

По итогам раздела имущества ей досталась квартира — точнее, то, что от неё осталось после закрытия ипотеки, — машина, которую они купили вместе, и вежливое сочувствие всех общих друзей. Ему досталось: кредитная карта, которую он открыл, чтобы оплатить её терапию два года назад, часть студенческого долга, который он взял на себя ещё до свадьбы и почему-то так и не переоформил, и общее ощущение, что пятнадцать лет куда-то делись, а он не может точно сказать куда. Впечатление это усиливалось, когда он пытался понять: вот он, Алекс Грэм, пятнадцать лет отдал своей фирме в лучших самурайских традициях, разрушил свой брак ради карьеры — и кто он теперь? Линейный менеджер, третий в списке на увольнение. Так себе достижение, честно говоря.

Непонятно было, кто у кого больше украл и чего — лет жизни, денег, спокойствия. Но здоровья ему это точно не прибавило.

За последний год он узнал названия десятка лекарств, которых раньше не существовало в его словаре, — от давления, от бессонницы, от того состояния, когда сердце вдруг начинает биться так, что кажется, будто оно вот-вот вырвется наружу через рёбра, хотя врач в приёмном покое, куда его привезли посреди ночи в марте, только устало сказал: «Паническая атака. Дыхание через диафрагму. Обратитесь к терапевту». Он узнал, что у человека есть орган под названием надпочечники, о существовании которого раньше даже не подозревал, — и что он, по словам эндокринолога, у него «работает на пределе уже давно». Узнал, что бывает гастрит от стресса и что это не метафора, а диагноз с конкретным номером в медицинской карте. Живот снова кольнула изжога — как же всё не вовремя. Медицинскую страховку он, видимо, уже потерял.

Он лежал в переговорной номер три с этим списком в голове, как с чётками, и не мог решить, кого в нём винить больше — Кейт, банк, компанию, или собственную многолетнюю привычку думать, что ещё немного, ещё один квартал, ещё один проект, и всё наладится само.

Не наладилось.

Банк написал первое письмо в июне — по кредитке, которую он открыл на её терапию и с которой так и не расплатился после развода. Второе — в августе, уже другим тоном. К октябрю коллекторы звонили по три раза в неделю, и разница между тем, что он был должен, и тем, что мог заплатить, всё ещё висела над ним, как надпись на табло в аэропорту — рейс задерживается, точное время неизвестно.

Он снимал студию три месяца. Перестал.

Не потому что не мог платить — мог, ещё мог, — а потому что показалось бессмысленным: приходить каждый вечер в комнату, где нет ничего, кроме матраса и коробок, которые он так и не открыл после переезда, и знать, что за углом, в офисе, диван мягче, а свет привычнее.

На работе про переговорную номер три не знали. Или знали, но предпочитали не знать — так было проще всем, включая его самого. Охрана давно привыкла к его машине на парковке допоздна. Уборщица утром вежливо стучала в дверь без десяти семь, и он уходил в спортзал бизнес-центра принять душ, прежде чем в офисе появятся первые коллеги.

Это работало почти два месяца.

Список сокращений вывесили в понедельник.

Его фамилия стояла в нём третьей строчкой сверху — не потому что он был плох в работе, ему говорили это прямо, глядя в глаза с фальшивым сочувствием, а потому что «оптимизация структуры management layer», потому что «непростое решение», потому что цифры не сходились, а он был самым дорогим из тех, кого можно было сократить без остановки процессов.

Три недели. Дальше — выходное пособие, которого хватит на четыре месяца, если очень аккуратно.

Он лежал в переговорной номер три и смотрел в потолок, и мысль, которая приходила ему в голову в последние недели всё чаще, снова оформилась во что-то отчётливое: мне почти нечего терять.

Не в поэтическом смысле. Буквально. Жены нет. Дома нет. Работы через три недели не будет. Друзья — Марк давно не звонил, остальные тоже как-то рассосались, незаметно, тем естественным образом, каким рассасываются связи вокруг человека, переставшего быть интересным для собственной жизни, не то что для чужой.

Он открыл телефон.

Лента забита была тем же, чем всегда, — новости, которые он не читал, фотографии людей, чью жизнь он больше не понимал, реклама. Он листал бездумно, чтобы занять руки и глаза, и остановился на баннере, который видел уже третий раз за неделю, но раньше пролистывал не глядя.

«WildMind Experiences. Почувствуй мир другими глазами».

Под текстом — фотография орла, парящего над каньоном. Дальше — слон, идущий через саванну на закате, с текстом помельче: «Полное погружение. Семь дней в теле дикого животного. Ваше сознание. Их мир».

Он смотрел на слона дольше, чем следовало.

Не потому что верил в это по-настоящему — часть его, всё ещё трезвая, всё ещё операционный менеджер, отмечала: маркетинг, наверняка преувеличение, наверняка мелкий шрифт скрывает половину правды. Но другая часть, та, что лежала на коротком диване в переговорной номер три в без двадцати полночь, читала слова «их мир» и чувствовала что-то похожее на голод.

Не голод по еде. Голод по тому, чтобы быть где-то, где его фамилия не значится третьей строчкой в списке. Быть кем-то, у кого нет банка, нет бывшей жены, нет графика увольнения. Быть телом, которое дышит, ест, идёт куда-то — без единого письма, ждущего ответа.

Он прочитал цену. Четыре тысячи долларов.

Ровно столько, сколько оставалось на счету после того, как он закрыл минимальный платёж по кредитке на этой неделе.

«Это глупо», — подумал он.

«А что я, собственно, теряю?»

Ответ был готов быстрее, чем он ожидал: ничего. Совсем ничего. Впервые в жизни это было буквально правдой, без преувеличения, без драматического жеста — просто факт, холодный и ясный, как список сокращений на доске в опенспейсе.

Он нажал «записаться на консультацию».

Экран погас через минуту бездействия. Алекс лежал в темноте переговорной номер три и слушал, как гудит вентиляция где-то в стенах здания, и думал — уже засыпая, уже не совсем всерьёз, — что если человеку нечего терять, то это, возможно, единственный момент в жизни, когда можно позволить себе всё.

Пролог. WildMind

Офис WildMind Experiences занимал четырнадцатый этаж стеклянной башни на Маркет-стрит, в трёх кварталах от набережной. Лифт работал. Алекс Грэм поднимался в тишине, разглядывая своё отражение в полированных дверях, и думал: это либо лучшее решение в моей жизни, либо мне нужен другой терапевт.

Он перепробовал всё.

Не в том смысле, в каком люди обычно говорят «я перепробовал всё», имея в виду пару занятий йогой и скачанное приложение для медитации. Алекс перепробовал всё по-настоящему, методично и дорого — тогда, когда у него ещё были на это деньги. Терапию — четырёх разных терапевтов, двое из них были действительно хороши. Антидепрессанты, потом отказ от антидепрессантов. Аяуаску в Перу — это было глубоко и страшно и в итоге ничего не изменило. Молчаливый випассана-ретрит в Вермонте, откуда он уехал на четвёртый день, в два часа ночи, не выдержав тишины. Кайтсёрфинг на Мауи, когда ещё было на что его покупать.

Ему было тридцать шесть лет. Три недели назад он ещё был старшим операционным менеджером в логистической софтверной компании — теперь был просто человеком с выходным пособием и папкой резюме, который ещё не решил, куда себя девать в оставшиеся до конца выплат месяцы. Его не отпускало ощущение, что он наблюдает за собственной жизнью через стекло, и это ощущение не изменилось от того, что жизнь за стеклом стала гораздо беднее.

Администратор WildMind была молодой, спокойной и обладала той отработанной теплотой, которая делает странные вещи похожими на обычные.

— Мистер Грэм? Хотите что-нибудь перед консультацией? Кофе, воду?

— Кофе, — сказал он, и тут же: — Нет, спасибо, не нужно.

Он заполнил анкету. Длинную. Пункт четырнадцать спрашивал: «Испытывали ли вы значительную потерю личной идентичности за последние двенадцать месяцев?» Он долго смотрел на этот вопрос. И написал: «Уточните, что значит "значительную" значительную».

Пункт двадцать спрашивал: «Есть ли у вас близкие, которые будут беспокоиться о вашем длительном отсутствии?» Он оставил строку пустой. Не потому что не знал ответа — знал, и ответ был коротким, — а потому что вписывать его в форму казалось почему-то унижительнее, чем просто знать про себя.

Приёмная была обставлена с тем безликим комфортом, который стоит очень дорого именно для того, чтобы выглядеть просто дорого: кожаные кресла, фикус в углу, на стене — большая фотография горного хребта на закате, под которой мелкими буквами значилось название национального парка. Алекс подумал, что если бы он снимал это фото сам, стоя на своих двоих, а не разглядывая с дивана в приёмной, оно, возможно, значило бы для него что-то. Пока это была лишь картинка, купленная у фотобанка вместе с правом на использование.

Консультанта звали Джордан — чуть за двадцать, пиджак, лёгкая уверенность человека, который продаёт что-то дорогое и слегка невероятное.

— Поздравляю, мистер Грэм! Поздравляю и завидую — через пару месяцев очередь будет уже на несколько лет — вы успели вовремя. НАСА планирует забронировать все наши мощности, впрочем — я этого вам не говорил. Джордан заговорщицки подмигнул и улыбнулся белозубой улыбкой успешного менеджера.

Прежде чем перейдём к выбору, — Джордан открыл планшет, — пара важных вводных, это часть протокола. Есть животные, которые мы настоятельно не советуем. Мышь, например, — слишком много естественных врагов в дикой природе, риск для самого сознания-носителя недопустимо высок.

— А как это вообще работает? — спросил Алекс.

— Если совсем просто: мы научились снимать пространственные копии нейронных полей, а затем перемещать и замещать их — адаптивно подстраивая под новую конфигурацию носителя.

Алекс помолчал, переваривая это.

— А разве вы не можете... сохранить мою копию? не можете... сохранить мою копию? На случай, скажем, смерти мышки?

— Видите ли, — Джордан слегка развёл руками, — мы можем снимать и хранить копии, но толку от них немного: по каким-то причинам рабочей оказывается только одна копия — оригинал, владелец. Если честно, в коллективе мнения разделились: одни пытаются копать в сторону Эйнштейна и Шрёдингера, другие просто ссылаются на божественное провидение. Мне лично больше нравится третье объяснение, неофициальное: личность — это не файл, который можно скопировать. Это процесс, который либо продолжается, либо нет. Скопировать процесс нельзя — можно только его прервать или перенести. Поэтому мы вынуждены заботиться о вашей физической сохранности так, будто резервной копии не существует. Потому, что её не существует.

— А дельфин? — спросил Алекс, вспомнив, что видел его в каталоге на сайте.

— Тоже не лучший вариант, если честно. Смена типа дыхания — лёгкие на дышало — иногда вызывает паническую реакцию у новичков. Тело уже знает, что дышать нужно иначе, а сознание ещё нет, и эта рассинхронизация первые секунды бывает довольно неприятной.

Алекс уловил нотки сомнения в голосе Джордана — видимо, уровень неприятностей в описанном случае мог простираться вплоть до фатальных.

— Так что вы посоветуете?

— Что-то покрупнее и понадёжнее. Наземное млекопитающее, желательно с солидной массой — кошачьи неплохо подходят. Или, скажем, медведи.

Медведей он, честно говоря, не любил вовсе. Не то чтобы боялся — скорее испытывал эстетическое отторжение. Грубые, неуклюжие, с этой их тупой звериной мощью без всякой пластики. В зоопарке он всегда быстро проходил мимо медвежьего вольера к большим кошкам — там было на что смотреть, там было движение, достоинство, экономия силы. Медведь в его голове был чем-то вроде ходячего грузовика: мощным, но некрасивым, грубым по умолчанию.

— Итак, — сказал Джордан, — какое животное вы рассматриваете? У нас широкий каталог.

Алекс думал об этом заранее. Думал долго — почти неделю, лёжа по ночам без сна, листая сайт компании.

— Слона, — сказал он.

— Слона? — Джордан на долю секунды перестал улыбаться, что-то проверяя в планшете, и это было первое искреннее выражение лица за весь разговор.

— А что? — Алекс почувствовал, как в нём поднимается лёгкая, глупая обида. — Кто-то любит кошек. Мне вот слоны нравятся.

Он не собирался объяснять дальше, но объяснил — потому что молчание в кабинете вдруг показалось хуже, чем звучать сентиментально перед незнакомым человеком в пиджаке. Слоны обладают сложным социальным интеллектом, сказал он. Долгой памятью. Способностью горевать — они трогают хоботом кости умерших родичей, стоят над ними подолгу, будто вспоминают. В них есть какая-то медлительная, почти философская мудрость — полная противоположность его собственной торопливой, в сущности бессмысленной жизни.

— Это вообще вписывается в ваш формат? — спросил Алекс, вдруг засомневавшись, не прозвучал ли он как турист, требующий люкс вместо стандартного номера.

— Да, всё нормально, — сказал Джордан, уже снова с полной улыбкой на месте. — Пойду согласую.

Он вышел из кабинета. Вернулся через семь минут — всё с той же улыбкой.

— Отлично, у нас есть слот. Заповедник в Кении, партнёрская программа.

— А насколько вообще надёжна вся эта технология?

— Поверьте, вам не о чем волноваться. — Улыбка Джордана вернулась на место, широкая и абсолютно не оставляющая сомнений ни в чём, включая то, стоит ли ей доверять.

— Сертификаты? — спросил Алекс.

— В процессе получения. Но как только их выдадут, цена вырастет примерно в двадцать пять раз. Так что вы сейчас, можно сказать, первопроходец.

— Хорошо. Последний вопрос. Как всё происходит физически?

— Всё довольно просто. Вы засыпаете в биокапсулу, и ваше тело остаётся там, дожидаясь вашего возвращения — питание, поддержание тонуса, полный уход. Скан вашего сознания переносится в тело животного через специальную установку в природном парке. Захотите вернуться — просто подойдите к этой установке, и протокол активируется. Мы будем вести мониторинг и держать связь через голосовой имплант. Уточню на всякий случай: все записи ведутся только для внутреннего контроля, единственная копия будет передана вам по окончании сеанса.

— Записи? — Алекс недоумённо нахмурился.

— Да, аудио и видео. Вдруг захотите пересмотреть когда-нибудь.

— Слон, к слову, идеально укладывается в эти рамки безопасности — крупный, устойчивый, никаких сюрпризов.

Алекс кивнул, успокоенный, и подписал контракт.

Тридцать одна страница. Он прочитал примерно шесть — введение, стоимость, раздел про размер животного, который так взволновал его минуту назад. Раздел двадцать три, озаглавленный «Права и обязательства носителя после завершения сессии», остался непрочитанным, как и раздел двадцать четыре, и двадцать пятый, самый длинный, набранный особенно мелким шрифтом, будто специально для того, чтобы его никто не читал.

Его проводили в капсульный зал, помогли переодеться в компрессионный комбинезон с датчиками и лечь в капсулу. Капсула напоминала аппарат МРТ — белая, овальная, мягко подсвеченная изнутри, с панелью кнопок и монитором, опутанная пучками проводов и трубок. Техник в халате закрепил датчики на висках, затылке, запястьях.

— Считайте в обратном порядке от десяти, — сказал техник.

— Десять, — сказал Алекс. — Девять. Восемь.

Бесшумно и быстро надвинулась крышка-колпак, раздалось лёгкое шипение газа.

За тонкой перегородкой, которую Алекс не должен был слышать, но почему-то слышал, раздался голос, приглушённый, но различимый.

— Слушай, а где я ему возьму слона во Флориде?

Пауза. Шорох бумаг.

— У нас сейчас вообще только гризли. Один. В Монтане. Он тоже крупный, подойдёт по протоколу.

Семь.

— Ну, наконец-то третий клиент, — сказал тот же голос, чуть устало, чуть с облегчением.

— Надеюсь, в этот раз всё получится...

Шесть.

Алекс пытался понять, что он только что услышал, пытался поднять руку, открыть глаза, что-то сказать — но тело уже не слушалось, мысль уже начинала плыть и терять края, и последнее, что он успел осознать с ясностью, абсолютной и холодной, было: я влип.

Пять.

Четыре.

Темнота пришла раньше, чем счёт закончился.

Глава первая. Запах

Первым пришёл запах.

Не так, как приходят запахи к людям — фоном, случайной деталью, чем-то, что замечаешь краем сознания и тут же забываешь. Нет. Это был удар. Лавина. Весь мир сразу и одновременно, без фильтров, без расстояния — сырая земля с прожилками гнили и корней, смола дугласовой пихты, острая и холодная как игла, прелые листья осины в низине, мышь — живая, сердце бьётся часто, почти вибрирует — под корнями в двадцати ярдах справа, след лося — старый самец, прошёл часа четыре назад, чуть припадал на левую переднюю, — ручей за перегибом склона, вода чистая, каменистое дно.

Но это была не просто лавина. Это была карта.

Не открывая глаз, он знал — не догадывался, а именно знал, с той же уверенностью, с какой знал бы расположение мебели в собственной спальне, — что мышь находится в двадцати ярдах справа и чуть впереди, а ручей в семидесяти ярдах слева, за перегибом склона, вне прямой видимости. Расстояние и направление приходили не как результат вычисления, а как готовый факт, вписанный прямо в ощущение, — точность, которой не давал ни один прибор, каким он когда-либо пользовался.

Карта эта, впрочем, была неполной, и он ощутил это почти сразу — с той стороны, откуда тянул слабый утренний ветерок, всё читалось резко, детально, в цвете; а вот с других направлений, куда ветер не доставал, картина смазывалась, теряла глубину, превращалась в нечто серое, приблизительное, как задний план на фотографии, снятой с неверной выдержкой. Мир вокруг был не сферой, а скорее конусом ясности, направленным туда, откуда дул воздух, — и Алекс вдруг понял, что находится не в центре восприятия, а на его краю, а сам центр — где-то там, откуда идёт запах.

Алекс понял всё это за долю секунды, не открывая глаз, и первая мысль была не про запах вообще.

Первая мысль была: это не саванна.

Он открыл глаза.

Лиственницы. Папоротник. Холодный косой свет. Никакой саванны, никаких акаций, никакой красной пыли и плоского горизонта.

Здесь были горы.

Алекс попытался встать и почувствовал своё новое тело — массивное, плотное, низкое, на четырёх лапах. Не на четырёх ногах-колоннах. Не с хоботом. Лапы. С когтями.

Он замер.

«Нет», — подумал он. — «Нет, нет, нет».

Он попытался поднять то, что должно было быть хоботом, и обнаружил морду — короткую, тяжёлую, с чёрным мокрым носом, который уже всю работу, докладывая о мире помимо его воли. Шерсть. Густая, тёмная, плотная шерсть — не та тёплая морщинистая шкура, которую он ждал.

«Это медведь», — подумал Алекс с абсолютной, ледяной ясностью. — «Я в теле медведя».

Первой реакцией было отрицание — чистое, упрямое, нелепое в своей настойчивости. Этого не может быть. Он заплатил за слона. Он специально выбрал слона. Произошла ошибка. Сейчас всё прояснится.

Он попытался рявкнуть «какого чёрта» — и получил рык, низкий и абсолютно бессловесный, который ничего не объяснил и никого не позвал.

Попробовал снова. «Помогите». Рык. «Есть кто-нибудь». Рык, чуть выше тоном, но всё равно рык. Он перебирал слова одно за другим — простые, короткие, отчаянные, — и каждое

возвращалось назад тем же звериным звуком, будто человеческий язык был заблокирован где-то на входе, а на выходе разрешалось только то, что позволяла новая гортань.

Последней попыткой было собственное имя. «Алекс». Рык — с какой-то особенно горькой иронией, будто даже это, самое простое, самое своё, тело отказывалось произносить его голосом.

Он замолчал. Продолжать не было смысла.

Обрывки подслушанного разговора вернулись сами.

«Где я ему возьму слона во Флориде».

«У нас сейчас только гризли».

«Третий клиент. Надеюсь, в этот раз всё получится».

Память собралась в единую картину быстро и безжалостно. Они подменили его. Молча. Без согласия. Пока он считал от десяти, кто-то решил, что слон — это слишком сложно организовать, и впихнул его в первое доступное тело, как впихивают пассажира в последний свободный автобус.

— Вот же сволочи!

Гнев пришёл следом за отрицанием — и пришёл сразу в полную силу. Он закричал так, как не кричал никогда в жизни: нужно было прокричаться, чтобы отчаяние, гнев и ярость не разорвали его изнутри. Звериный рёв раскатом прошёлся по долине, пригибая верхушки молодых сосен, а когда он стих, в лесу стало неимоверно тихо — слышен был только шелест ручья.

«Я заплатил за слона», — думал он, расхаживая взад-вперёд по поляне, ломая папоротник под лапами. — «Я просил слона. Конкретно. Чётко. Слона — благородное, мудрое, социальное животное, а не — »

Он замер на полушаге.

— а не это, — Эл глядел на собственную лапу.

Медведи были именно тем, чем он их и считал: грубыми. Неуклюжими. В зоопарке он всегда быстро проходил мимо медвежьего вольера. Слон стоял у него в воображении как нечто почти величественное. Медведь стоял как полная противоположность: тупая сила, лишённая всякого изящества.

«Отлично», — Эл думал с горечью. — «Меня засунули в грузовик вместо лимузина, и грузовик ещё и хочет есть».

Живот действительно требовал.

Алекс попытался это проигнорировать — из принципа, из протеста, — но голод был не той вещью, которую можно игнорировать из принципа. Он шёл несколько минут злой, негодующий, мысленно составляющий претензию к WildMind, состоящую в основном из слова «возмутительно», повторённого разными способами.

На третьем шаге он наступил на острый сучок.

Боль вспыхнула резко, неожиданно, и тело — без его команды, само — отдернуло лапу и завалилось набок. Алекс упал, ломая кусты и валежник, спугнув каких-то птиц, и лежал там, тяжело дыша, чувствуя, как глупо, как унижительно это всё.

Он попытался встать. Не получилось.

Лапа, на которую он наступил, явно зацепилась за ветку — острая щепка торчала в подушечке, и каждое движение отдавалось острой болью. Он лежал на боку, злой, испуганный, и где-то на периферии этого хаоса эмоций мелькнула совершенно новая, незнакомая мысль: а что, если тело справится само? Без меня?

Он перестал бороться и замер.

И тело — то самое тело, которое он презирал последние десять минут, — повело себя так, как он не ожидал. Оно подтянуло раненую лапу к морде, аккуратно, методично, и зубами — теми самыми зубами, которые Алекс полминуты назад считал орудием грубой силы, — с почти

хирургической точностью вытащило занозу, длинную острую щепку, застрявшую глубоко в подушечке, а потом несколько раз лизнуло рану.

Боль отступила почти сразу.

Алекс лежал и смотрел на собственную лапу с чем-то очень похожим на удивление. Это было не случайностью. Это было не рефлексом. Аккуратно. Целенаправленно. Кто-то — не он — точно знал, что делать, и сделал это спокойно, пока Алекс злился и метался.

«Ладно», — подумал он, и гнев в этой мысли впервые за весь день дал трещину. — «Может быть, не грузовик».

Он поднял лапу и стал её рассматривать.

Раньше — несколько минут назад — он видел в ней только орудие, грубый придаток грубого тела. Теперь, лёжа на боку, в относительном покое, он смотрел на неё иначе. Поднёс ближе к глазам, насколько позволяла шея, и медленно сжал.

Под чёрной шкурой прокатилась волна — мышцы собрались, перетекли друг в друга, плечо налилось плотной, спокойной силой, и в этом движении была странная, неожиданная красота. Не грубость. Инженерия. Алекс разжал лапу — мышцы расслабились так же слитно, как до этого собрались, — и сжал снова, на этот раз медленнее, наблюдая.

Когти оказались не единым орудием, как ему представлялось издавна, а пятью отдельными пальцами — каждый со своим суставом, своей подвижностью, своим небольшим, но различимым диапазоном движения. Он попробовал шевельнуть одним, только одним, — и это получилось, неуклюже, но получилось: коготь чуть качнулся в сторону, независимо от остальных.

Это была рука.

Не человеческая рука — но рука, не лапа в том смысле, в каком он представлял себе лапы: тупой кулак на конце столба. Здесь были суставы. Была тонкая моторика, спрятанная за общей массой и силой, как точный инструмент, упакованный в кувалду. Он вспомнил, как медведи в документальных фильмах переворачивают камни в поисках раков, как достают мёд из узких дупел, не разоряя всё дерево.

Он попробовал провести когтем по земле — линию, почти как ручкой. Получилась рваная, но узнаваемая черта.

Я недооценил тебя.

Мысль была странной, но честной.

Гнев никуда не делся полностью. Но он подвинулся, уступая место чему-то новому.

Он поднялся — на этот раз осторожнее — и сделал несколько шагов. И тут заметил ещё одну вещь, которую раньше пропустил в общем хаосе: при всей массе, при всей этой неуклюжей на первый взгляд тяжести, шаги не были слышны. Ни хруста веток, ни глухого стука лап о землю — только лёгкое, едва уловимое шуршание палой листвы. Грузовик так не ходит, подумал он. Грузовик так ходить не умеет.

Алекс вышел к небольшой заводи — тёмной, неподвижной, застоявшейся среди камней, — и остановился на самом краю, где вода была достаточно спокойной, чтобы держать отражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.